

Л. А. Косова (*Кудымкар*)

Поэтический язык Галины Бачевой

Известно, что язык поэзии — особый язык, и, в свою очередь, язык каждого поэта так же индивидуален. По мнению М. М. Бахтина, «язык поэта ... — чистое и непосредственное выражение ... замысла. Все что видит, понимает и мыслит поэт, он видит, понимает и мыслит глазами данного языка, в его внутренних формах» [4: 65].

Поэтический язык Галины Бачевой также индивидуален и этим и интересен. Бачева — поэт природы, лирик, пейзажист. Ее лирическая героиня живет в тесном контакте с природой, не чувствуя себя ни царем природы, ни ее рабой — она и природа как будто единое целое. Ее органичная вписанность в природу становится знаковым в ее творчестве и передана не только образно-эмоционально, но и графически. Она очень часто начинает стихи с обращения к образу природы, о котором пишет. И ее обращение — это образец уважения или любви к природе. К березке обращается *кыздöй* ‘моя березонька’, употребляя суффикс *-öй*, т. е. суффикс, показывающий или любовь, или уважение.

Все отношение к природе, миру в лирике поэтессы передано через местоимение *менам*: *менам асыв* ‘мое утро’, *менам Парма* ‘моя Парма’, *менам горт* ‘мой дом’; если данных местоимений нет, то ее отношение изображается через суффикс *-ö*, в коми-пермяцком языке означающий притяжательность: *Велва юö* ‘моя Велва речка’, *вөрö* ‘мой лес’, *Коми гортö* ‘моя коми родина’, *вöлокö* ‘моя лошадка’.

Можно также отметить, что поэтический язык автора «привязан» к своей местности и содержит «привкус» ее малой родины Пармы не только за счет этнических диалектизмов, «которые обычно употребляют для придания местного колорита» [5: 33], но и за счет других средств коми-пермяцкого языка, отражающих мировоззрение народа. Поэзия Г. Бачевой пестрит фразеологизмами, а также пословицами и поговорками: *панны шёрттём дёра* 'ткать холст без нитей'; *росён овтышитны... джодж, потолок* 'веником смахнуть... пол, потолок'; *лель керсьыны* 'обессилеть' [2: 90]; *трек оз кер* 'с места не сдвинется' [2: 111]; *керсьыны той* [1: 38], которое редактором в следующем сборнике изменено на *керсьыны жуи* [2: 133]; *люгны подён* [1: 37]; *лякны туёк* [1: 37]; *оча син оз вайёт* (дословный перевод – 'глаз к глазу не подведет', равноценно русской поговорке *глаз не сомкнута*) и т. д. Их ценность не только в том, что они, как бисер, служат украшением канвы поэтического текста, но часто и в том, что, зафиксированные в поэтическом тексте, они сохраняются, не уходя из языка вместе с обычаями народа.

Интересны метафоры, созданные «обычным способом создания художественной речи — употреблением слова в необычной ассоциации» [5: 33]: *Кёкис кёкис кёкыс // гажя вёрпыкётын* 'куковала, куковала кукушка в веселом перелеске', *вёрпыкёт* дословно — 'подпорка леса'; *Мича асыв миссьё // Велва ю тшунётын* 'Ясное утро моется // В зарубке (засечке) Велвы-реки' и др.

Лексическая окраска слов в поэзии Г. Бачевой самая разнообразная: **неологизмы, архаизмы, диалектизмы.**

В поэтических текстах много архаичных слов, таких как *пониток* (старинная одежда), *лагун* (*лагунокё капуста солалё // виль тоинён заботливой ар*) 'в лагунке капусту солит // новым пестом заботливая осень'; *зипун* (*шонди луннас югөррез новйёттён // гёрдзём ой кежё алёй зипун* 'солнце днем, лучи разнося, // связало к ночи алый зипун'); *торк* 'отрёлки льна и конопля; пакля' (*торк старичок то // суйё быд цельё* 'паклю старичок вот // сует в каждую щель'); *шётны*: *шётны овин* 'набивать, насаживать снопы в овине' (*кыйё меным муё // шётё жажыв шёрт*) [3: 13].

Наряду с использованием архаизмов можно встретить и неологизмы. Автор не чурается, «пользуясь законами словообразования ... по аналогии с существующими, ... создавать новые слова так, что они будут понятны для восприятия» [5: 46]. Так возникли существительные *пасьтёт* в значении *паськём* 'одежда': *Кётъ и медбасёк арлён пасьтётыс // да и медбогат паськыт пызан* 'хоть и самая красивая одежда осени // да и самый богатый широкий стол' [3: 29] и *пушйёт*: *Руд рябиновой увлён пушйёт* 'серая веточка распутившейся рябины'. Таким же способом возник глагол *ойтёвты*: *Покат зелёнойсялё // и оз ни, оз ойтёвт* 'зеленеет покат (склон) // и уже не (*заветрит*) подует северным ветром' [2: 41]; а также *сьылёток* в значении *сьылан, сьыланкыс* 'песня, стихотворение': *отлаын лёсьотамё // аскодь сьылёток* 'вместе составим // своеобразную песню'.

Диалектизмов в лирике поэта не очень много — *ворья, кӧзья, кыдза* в значении *вӧр, кӧзьяин, кыдзаин* ‘лес, ельник, березняк’, зато употребляются они гораздо чаще, чем, например, неологизмы, архаизмы. Единственный раз употребленное автором диалектное слово *патьякрасьӧ* метко характеризует осенний луг, сравниваемый с беременной женщиной: *Кыдзи инька сьӧктӧм // патьякрасьӧ видз* ‘Будто женщина забеременевшая, // неуклюже шевелится, движется луг’.

Звукоподражания также могут обогащать поэтическую выразительность языка: *ургӧны дудӧзз* (слово, изображающее воркование голубей); *веньгӧ гармошка* (изображение нестройной игры на гармошке, пиликанье); *ымӧтӧ мош рой* (слово основано на звукоподражании, изображающем гудение роя пчел «м-м-м-м»); *чу, каблуккез торгӧны и гармошка шыӧзз* ‘чу, каблуки стучат...’ (*торгӧны* — звукоподражание, изображающее шаркающие шаги) и др.

В своем поэтическом арсенале автор удачно использует эпитеты, сравнения, тропы. Из тропов метафора встречается очень часто, реже метонимия: *Тӧв ӧтӧр пиньлавны // асывнас лэбтисяс* ‘Ветер улицу ломать // с утра поднимется’.

Интересны случаи перифраз, когда автор «избегает назвать понятие обычным словом. ... Описательные формулы, заменяющие обычное слово (или имя), называются перифразами» [5: 66]. Автор не называет *муж*, или *любимый*, или *любовник*, для этого находится другая формула: *только менам син одзын тэ ӧтнат // вӧлин пыр, вуджӧррез ог водит* ‘только перед моими глазами ты один // был всегда, **тений** не держу’ [2: 70]; *бокисьӧ* (тот, кто со мною рядом):

*Не кыввез не он оз сет
Не бокисьӧ оз босьт
Важын ни то узьӧ.
Кыдз бытьтӧ мӧдӧккӧт*

Ни слов [для стихов. — Л. К.], ни сна не
Ни тот, кто рядом со мной, не берёт на руку.
Давно уже спит, видит во сне,
Как будто с другой целуется.

Заслуживает отдельного интереса выражение *бокисьӧ* ‘тот, кто с боку или тот, кто рядом’. *Бокисьӧ* в данном случае — подмена слова, словоформа с неопределенной семантикой, в котором слышится отголосок языческого мировоззрения, приём табуирования. Боясь сглаза, порчи, боясь навлечь неудачу, говорящий не мог назвать человека (или предмет), он называл его иносказательно, чтобы не услышали злые боги, злые силы. И до сих пор человек, не желая по какой-то причине (неприятнь, боясь сглазить хорошие отношения), пользуется иносказанием, заменой слова. В данном стихотворении оно — не друг, не враг, не любимый и не нелюбимый, а тот, кто рядом.

Стихотворения Г. Бачевой легко читаются и легко воспринимаются благодаря внутренней организации — звукописи. Звукопись изображает любое движение природы — шелест листьев, шорох леса (*ш-ш-ш*): *шушкӧ*

мыйкӧ шушкӧ // тупуаин гусьӧн ‘шепчет что-то шепчет // осинник тихонечко’; шелест дождя (*сь-сь-сь*): *арся зэр ассис кӧдзытсӧ кӧдзӧ* ‘осенний дождь свой холод сеет’; шорох штор (*ш-ш-ш*): *шондӧ рытсья штораэз // ӧшлӧма ӧшынам* ‘солнце вечерние шторы // повесило в моё окно’. И лишь единицы строк во всем творчестве Г. Бачевой противоречат этому — в них нарушена ритмичность и мелодичность: *Ме кад, мед друг, не лоны торйын // одзӧста ойгись, кӧда эм...* ‘Я время, чтобы, друг, не быть с тобой раздельно // займу у ночи, сколько есть...’

Итак, поэтический язык Г. Бачевой образный, красивый, отражающий особенности национального мировоззрения. Она в своей поэзии богато использует всю палитру выразительных средств коми-пермяцкого языка, включает в поэзию новообразования. Поэтический язык автора интересен не только лингвистам, он, содержащий мировидение народа, интересен и этнографам, и фольклористам.

Литература

1. Бачева, Г. М. Цветет рябина / Г. М. Бачева. – Кудымкар, 1983.
2. Бачева, Г. М. Утренняя заря / Г. М. Бачева. – Кудымкар, 1988.
3. Бачева, Г. М. Тӧліся рыттэз / Г. М. Бачева. – Кудымкар, 1992.
4. Бахтин, М. М. Слово в поэзии и прозе / М. М. Бахтин // Образцы изучения лирики: учебное пособие / составители Т. Л. Власенко, Д. И. Черашняя, В. И. Чулков. – Ижевск, 1997.
5. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М., 2003.